

Ценообразование в системе народного хозяйства

Уровень, система и структура цены

Всякую цену можно изучать с точки зрения: 1) ее абсолютной величины или уровня, 2) ее относительного значения в отношении других цен и 3) составных элементов, на которые цена распадается. В первом случае мы имеем дело с уровнем цены, с ее размером, с ее высотой; познание уровня цен мыслится, в первую очередь, в динамическом разрезе, в сопоставлении данного абсолютного выражения цены с ее предыдущим выражением. Вместе с тем, в понятие уровня включается также пространственное представление. Уровень цен на зерно может быть в производящей полосе низок в отношении потребляющей и высок в отношении Канады.

Каждое абсолютное выражение данной цены или каждому уровню цены в каждый отрезок времени соответствует определенное ценностное выражение. Во втором случае мы имеем в виду определенную систему цен или соотношение уровней цен отдельных товаров. В зависимости от этого соотношения мы всегда можем определить эквивалентное выражение каждого товара в отношении всех прочих товаров. Система цен, таким образом, предполагает статическое выражение цен на разноименные товары и группы товаров. В этом случае, с системой цен тесно связано понятие эквивалентов, как частное от системы, а так же как еще более производное понятие — конкурентно-способность.

Наконец, в третьем случае речь идет о том, на какие основные элементы раскладывается цена. Если уровень и систему цен можно фигурально назвать „физиологией“ ценообразования, то под структурой следует разуметь „анатомию“ цены — основные материальные факторы и элементы ценообразования.

Однако ни уровень цены, ни система цен сами по себе не понятны вне анализа структуры цены. Обычно в анализе цену расчленяют на три основные части: элементы производства, обращения и накопления. Ниже мы остановимся на этом подробнее, но сейчас для нас важно установить, что уровень, система и структура цен находятся между собой в постоянном взаимодействии и при изучении процессов ценообразования не могут быть изолированы друг от друга. Вместе с тем, ни уровень, ни систему и ни структуру цен нельзя изучать и рассматривать вне состояния производительных сил и производствен-

ных отношений страны. При одном и том же относительном уровне цен различные социально-классовые отношения получают свое неминуемое отражение в различной системе и структуре цен. Если средний уровень цен страны в целом является прямым производным от состояния производительных сил страны, то в структуре и в системе цен находят свое непосредственное отражение производственные социально-классовые отношения.

Соотношение промышленных и сельскохозяйственных цен, отношение цены легкой и тяжелой индустрии, удельный вес фиска в цене — все это является функцией экономической политики. Обычно под политикой цен принято понимать комплекс экономических мероприятий, направленных в отношении уровня цен, такая „узость“, имевшая зачастую место в нашей экономической политике, ни к чему положительному, конечно, привести не может. Если мы не будем заранее учитывать, какая система цен сложится в результате измененного уровня и за счет каких составных элементов это произойдет — эффект может быть обратный. В самом деле, разве при всяких условиях достигнутый пониженный уровень цен можно считать явлением положительным? Мы можем иметь пониженный уровень цен на иных нежелательных основах. Система цен и структура их при этом может сложиться в неблагоприятную сторону с точки зрения экономической политики.

Ярким примером теснейшей взаимозависимости этих трех факторов являются в наших условиях цены на продукты тяжелой и легкой индустрии. Здесь находят свое отражение генеральные вехи социалистического строительства нашей страны. Если исходить из довоенного уровня, то здесь мы имеем неравномерный рост цен на продукты производства средств производства и средств потребления — мы имеем различный уровень цен и в силу этого — резко изменившуюся систему промышленных цен. Эквиваленты ситца и чугуна абсолютно не похожи на довоенные эквиваленты. Если теперь посмотреть на этот процесс с точки зрения структуры, то здесь мы видим резко изменившийся удельный вес отдельных элементов в ценах тяжелой и легкой индустрии, при чем это изменение в первую очередь относится к удельному весу элементов накопления в ценах тяжелой и легкой индустрии. Отсутствие единой нормы прибыли, установка на массу накопления, соразмерной расширенному воспроизводству, перераспределение этой последней через финансовые русла — нашло свое неминуемое отражение в уровне, системе и структуре цен социалистической промышленности.

Если пойти по линии выявления соотношений цен промышленности и сельского хозяйства, то и здесь мы сталкиваемся с измененным уровнем на основе иной системы, соответствующей нашей социально-экономической установке. Но здесь нужно снова подчеркнуть, что никакой экономической ясности в системе соотношений цен промышленности и сельскохозяйственных не может быть вне

анализа структуры цен. В данном случае это в большей мере относится к структуре крестьянской цены.

Наше представление об эквивалентах, об эквивалентном обмене ограничивается зачастую поверхностью явлений. Мы берем цену, по которой крестьянство реализовало свою продукцию до войны, относим ее, скажем, к довоенной цене ситца, то же самое проделываем с современными ценами на те же товары; беря, таким образом, и там, и здесь абсолютные уровни цен, делаем выводы об эквивалентах. Отсюда, далее, пытаемся делать вывод о перекачке „прибавочной стоимости“. Такая манипуляция видимостью явлений не может вскрыть действительных процессов ценообразования. Сложившийся уровень и система цен — вне структуры цены экономически ничего не вскрывают. Ниже мы, на основе проделанного большого анализа, на этом остановимся подробнее. Но можно сказать априори, что сельскохозяйственные цены теперь и до войны — это далеко не однородные понятия.

Понятие эквивалентов, связанное с соотношением размеров трудовых затрат на обмениваемые продукты, нельзя смешивать с понятием покупательной силы рубля. Если, скажем, до войны 10 единицам труда крестьянина противостояло 10 единиц промышленного труда, то в силу того, что крестьянство часть труда безвозмездно тратило на воспроизводство деревенской буржуазии, оно не в состоянии было реализовать в промтоварах всего затраченного труда. Предположим, что 2 единицы тратились „непроизводительно“, тогда десяти единицам фактически затраченного труда противопоставлялись для крестьянства лишь восемь единиц промышленного труда. Остальные две единицы в виде получаемой ренты и арендной платы реализовались на промтовары буржуазией. Таким образом покупательная сила рубля крестьянства не совпадала с эквивалентными отношениями. Если в годы восстановительного периода фонд воспроизводства феодально-помещичьей знати перераспределился таким образом, что известная доля его пошла в фонд социалистического строительства, а остальная часть осела в деревне (увеличивая благосостояние крестьянства), то это означает, что крестьянство за те же 10 единиц (исходя из неизменной технической базы) реализует не 8, а скажем 9 единиц промтоваров, т.е. на каждую единицу затраченного труда приходится по сравнению с довоенным большее количество промтоваров.

Таким образом, неэквивалентность между сельским хозяйством и промышленностью может быть понята лишь в том смысле, что известная доля довоенной, некапитализируемой прибавочной стоимости теперь пошла в фонд социалистического воспроизводства, а отнюдь не в том, что на единицу приобретаемой промпродукции бедняцко-середняцкими слоями деревни теперь приходится большее, чем до войны, количество труда этих социальных групп деревни.

Наоборот, как показывает дальнейший анализ, индекс цен сельскохозяйственного производителя теперь выше, чем индекс себестоимости.

Еще одну существенную поправку нужно внести при эквивалентах на самый уровень современной сельскохозяйственной цены и довоенной. В последней (поскольку мы оперируем довоенной базарной ценой), как известно, фигурировала довольно значительная торговая прибыль перекупщика; у нас же мы берем цену сельскохозяйственного производителя.

Далее, если подойти к ценообразованию внутри сельского хозяйства с точки зрения нашего триединого критерия, то здесь мы имеем принципиально иную базу для сложившихся соотношений. Если система промышленных цен сложилась в результате индустриализации страны, то система цен в сельском хозяйстве сложилась в большей мере в результате факторов стихийного порядка. Ведь значительно более низкий уровень цен продуктов тяжелой индустрии сложился при значительно меньшей восстановленности отраслей производства средств производства, т.е. мы имели, процесс, совершенно непонятный с точки зрения анархии капиталистического производства и перелива капиталов. Весь процесс ценообразования в сельском хозяйстве за прошлые годы являлся в основном функцией: 1) относительной восстановленности сельского хозяйства,¹ и 2) влияния социалистического сектора через производственно-организационную помощь и товарооборот на отдельные отрасли сельского хозяйства. В частности, в отношении отдельных культур и продуктов играли роль и ряд других факторов.

С восстановлением „нормального“ рынка, сельское хозяйство вступает в торговый оборот страны с относительно большим количеством товарно-материальных ценностей, нежели промышленность — этот период соответствует наиболее низкому уровню сельскохозяйственных цен при слабости рычагов регулирующего действия социалистического сектора. В дальнейшем форсированный рост промышленности, значительно обгоняющий рост товарной продукции сельского хозяйства, означает снижение удельного веса сельскохозяйственных продуктов в товарном обороте страны. Весь этот период проходит под знаком сжатия „ножниц“ по линии обоих „лезвий“ — цены на сельскохозяйственные продукты растут, а на промтовары падают. Однако это движение цен находится в зависимости в большей мере от планового воздействия, нежели от изменяющихся удельных весов продукции (сельского хозяйства и промышленности) в народном хозяйстве. Несколько „ублюдочным“ на этом фоне выглядит 1926/27 г., давший большие разрывы в системе цен внутри сельского хозяйства. Реакцией на 1926/27 г. является 1928/29 г., восстановивший с лихвой цены 1925/26 г. Несмотря на такой процесс

¹ Это, конечно, не относится к таким культурам, как хлопок и свекла, обобщественным по сбыту на все 100%.

удельный вес промышленности, даже в ценностном выражении, из года в год повышается.

Нужно безусловно признать, что то снижение цен на зерно, которое имело место в 1926/27 г., не соразмерилось ни с резко изменяющейся конфигурацией системы сельскохозяйственных цен (зерно, животноводство и технические культуры), ни со структурой цены, точнее, с соотношением цен и себестоимостью на отдельные сельскохозяйственные продукты. „Реакция“ 1928/29 г. при наличии продовольственных затруднений была в значительной мере связана с „интенсификацией“ кулацкой части деревни и частного. В результате мы имеем рост цен, значительно превышающий наши плановые предположения (по всему сельскому хозяйству вместо роста цен по плану на 7%, они выросли на 17%).

Выравнивание степени восстановленности зерна и животноводства в сельском хозяйстве влекло за собою тенденцию к выравниванию уровней цен, тенденцию к установлению довоенной системы цен внутри отдельных отраслей сельского хозяйства, относительно слабо вовлеченных в орбиту воздействия обобщественного сектора.

Здесь необходимо подчеркнуть, что в сфере действия и воздействия социалистического сектора изменение цен не являлось функцией изменяющихся соотношений размеров товарной продукции между отдельными отраслями, культурами и между промышленностью и сельским хозяйством в целом.

Последние годы мы наблюдали более резкое повышение цен отраслей сельского хозяйства, где индекс цен производителя был относительно ниже. Старая „техническая“ база сельского хозяйства, почти не изменившаяся вооруженность крестьянского труда влечет за собою восстановление, примерно, довоенных отношений между ценой и затратами (себестоимостью), являющихся функцией уровня технического развития. Отсюда и тяготение современной системы цен сельского хозяйства к довоенной. Коррективы в эту систему цен вносят степень восстановленности отдельных отраслей сельского хозяйства, степень обобществления производства и сбыта, степень экономического воздействия на самый процесс производства (контрактация, кредитование), степень товарности. При наличии такой тенденции по культурам и отраслям мы имеем более резкий интервал колебания цен по сравнению с довоенным в пределах отдельных культур в географическом разрезе. В то же время, как показывает анализ, по размерам затрат (себестоимость) районы распределяются, примерно, в той же системе. Различный удельный вес частного сектора в отдельных районах значительно модифицировал, в пределах отдельных культур, соотношение между ценой и себестоимостью.

Отсюда и географический разрез в области ценообразования не может быть объяснен одним лишь уровнем цен. Межрайонные разрывы цен на те или иные группы продуктов, вне соотношений

цен, вне системы цен отдельных районов, непонятны. Система же цен необъяснима вне структуры цены.

Движущийся процесс социальной перекройки сельскохозяйственного производства, обновление технической базы, перевооружение сельскохозяйственного труда должны внести иные соотношения в условия воспроизводства отдельных отраслей и культур. Сохранение для отдельных культур довоенных условий производства не могло повлиять на заметное изменение системы и структуры затрат на воспроизводство этих культур. Обобществление сбыта в размере значительно меньшем 100% предоставляло известный простор частнику в игре на конъюнктуре. В этих условиях сельскохозяйственное производство не могло быть всецело подчинено задачам индустриализации страны.

Продукция сельского хозяйства, являясь сырьевой базой для промышленности и продовольственной базой для трудящихся, должна своими количественными и качественными показателями удовлетворять требованиям бурного хозяйственного роста. Как количественные, так и качественные (себестоимость, цены) показатели сельского хозяйства являются функцией: роста производства (урожайность, посевные площади), увеличения товарности и денатурализации, снижения затрат на единицу продукции.

Переход сельского хозяйства на более высокую техническую основу, широкое строительство совхозов и колхозов, ведение его на основах машинной техники являются основными условиями обеспечения всех этих факторов. Кроме того, форсированный темп вытеснения частного сектора из заготовок, изолирование кулацкой верхушки дает возможность более свободного маневрирования сельскохозяйственными ценами, ставя их на службу индустриализации. Тенденция системы цен к довоенным соотношениям должна прекратиться; она должна отражать иную техническую и социальную основу сельского хозяйства. Вместе с тем, должен будет иметь место процесс сужения интервала колебания цен между районами и уменьшения столь резкой разницы в рентабельности отдельных культур. Структура затрат должна будет измениться в сторону увеличения удельного веса средств производства и амортизации при снижении удельного веса труда, что соответствует хозяйству с повышенной технической базой.

Конкурентоспособность культур является частным понятием от системы цен и себестоимости. Если считать, что в цене находят непосредственное отражение процессы производства, то конкурентоспособность зависит лишь от изменения соотношения цен. Стабильные условия производства по сравнению с довоенными делали конкурентоспособность функцией достаточности данного продукта, как сырьевой или продовольственной базы и роли необобществленного сектора в заготовках; точнее говоря, конкурентоспособность является

функцией спроса и предложения в условиях более или менее свободного товарооборота. Кроме того, тенденция к выравниванию индексов (к довоенной базе) изменяла конкурентоспособность, приближая ее к довоенным выражениям.

Производство на основе неизменной техники предполагает примерную неизменность размера затрат; отсюда, всякое изменение цен есть и изменение конкурентоспособности. Изменение же цен в результате увеличения или уменьшения размеров затрат на воспроизводство не означает изменения конкурентоспособности. Правда, измененной цене противостоит иное количество продуктов других отраслей производства, но это еще не означает изменение эквивалентов. Правильное представление об эквивалентности на основе одних только цен, вне изучения их структуры невозможно. Если цена изменяется вне зависимости от размера затрат (при их стабильности), в результате изменения удельного веса элементов накопления в цене, в силу стихийных рыночных факторов, — конкурентоспособность выдвигается со всей своей силой. Поэтому, за прошлое время при почти неизменных затратах (старая техническая и социальная основа сельского хозяйства) цены могут быть более или менее условно отразить эквивалентность и конкурентоспособность. В условиях изменяющейся технической и социальной базы конкурентоспособность может определяться размером рентабельности или величиной чистой продукции (цена минус материальные затраты). Таким образом, конкурентоспособность может определяться не ценой *suí generis*, а соотношением элементов накопления и элементов затрат в цене. Иначе говоря, изучение эквивалентности вне анализа структуры цены — дело бесплодное.

Если на производство центнера ржи затрачено теперь 6 руб. против 5 прошлогодних, а цена вместо 5 руб. 50 к. выросла до 5 руб. 80 к., то при одинаковых ценах на прочие продукты рост конкурентоспособности ржи в связи с ростом ее цены обычно принимается в 5,0%. При таком „росте“ „конкурентоспособности“ ржи она может быть вытеснена другими культурами. Здесь ценностная оболочка сама по себе лишь извращает действительный процесс соотношений, взаимной связи и взаимной зависимости.

Мы отнюдь не предполагаем одинаковой рентабельности всех культур (единая „норма прибыли“); это будет зависеть от размеров расширенного воспроизводства той или иной культуры, подчиненной потребностям народного хозяйства. Система цен, которая должна сложиться в результате происходящей перекройки сельского хозяйства, не будет одновременно предполагать конкурентоспособность, как стихийное явление. Резкие интервалы колебания цен по районам, вследствие различного удельного веса частника в заготовках, должны сократиться — межрайонные ценностные отношения приобретают в этих условиях иное выражение и иное значение.

Уровень, система и структура цен должны „реконструироваться“, не отставая и тем более не являясь помехой для темпов развертывания хозяйственного строительства.

Цепная связь в ценообразовании

Если система цен выражает ценностные соотношения на определенной стадии ценообразования и отражает всю совокупность эквивалентных соотношений равноименных продуктов, то цепная связь должна вскрыть, зависимость ценообразования последующих стадий от предыдущих на данный определенный продукт и зависимость ценообразования данного продукта от цен других продуктов, входящих составной частью в издержки производства данного продукта. Цепная связь в ценообразовании предполагает органическое влияние сложившейся цены определенного продукта на определенной ступени ценообразования на последующую стадию ценообразования того же продукта или на начальный процесс ценообразования (издержек производства) другого продукта. Здесь мы предполагаем одновременность процесса в отличие от системы цен, отражающей одновременность явлений. Если говорить о цепной связи отдельной стадии ценообразования какого-либо товара (или группы товаров), то здесь мы имеем дело с ценообразованием в процессе продвижения товаров в сфере обращения от производителя к потребителю. Принципиально иной является цепная связь второго порядка, когда речь идет о влиянии цен на себестоимость, где сфера производства сталкивается с рыночными факторами, поскольку средства производства (совокупность товаров) входят в издержки производства своими ценностными выражениями, определившимися в сфере рыночных отношений.

Говоря о стадиях ценообразования, мы имеем в виду те различные ступени ценообразования, которые располагаются между ценой производителя и ценой потребителя. Выражаясь абстрактно-теоретически, мы имеем дело с постепенной реализацией в сфере обращения прибавочной стоимости, созданной в сфере производства.

Абсолютный размер издержек производства (себестоимость) является величиной неизменной на всех стадиях ценообразования. Прежде всего, необходимо остановиться на вопросе — обязательна ли пропорциональная последовательность во всех ступенях ценообразования в наших условиях, начиная от себестоимости, кончая ценой потребителя. Как мы уже указывали выше, никакого прямого соответствия между себестоимостью и ценой производителя (отпускной ценой) в социалистической промышленности не имеется. Поскольку мы говорим не о норме прибыли, а о массе прибыли, планово-распределяемой между отдельными отраслями и продуктами как в сфере производства, так и в сфере обращения, постольку прямая, для всех товаров однородная, функциональная взаимосвязь между

различными стадиями ценообразования не обязательна внутри социалистического сектора.

Цена продуктов средств производства и широкого потребления по своей структуре резко отличается от цен прочих товаров. Наш обобществленный товарооборот имеет возможность маневрирования ценами в пределах положенных ему размеров накопления. Это относится не только к продуктам социалистической промышленности, но и к товарам сельскохозяйственного происхождения, которые производитель отчуждает обобществленному сектору. Интервалы между розничной ценой и ценой производителя на одни продукты сельского хозяйства могут резко отличаться и отличаются от соответствующего интервала других продуктов.

Обобществленный сектор товарооборота в известных условиях может реализовать отдельные продукты ниже цены производителя, компенсируя это более высоким уровнем цен на другие продукты. Сфера подобного маневрирования ценами прямо пропорциональна темпу вытеснения частного сектора из сферы товарооборота. Если мы до сего времени имели дело с ценами отдельных социальных секторов, то на очереди дня стоит вопрос о классовых ценах. Проблема классовых цен разрешима в полной мере с упразднением цен отдельных социальных секторов, вернее с вытеснением частника из сферы обслуживания потребителя. Классовая цена означает, с одной стороны, установление различных цен на одни и те же товары для различных социальных групп потребителей и, с другой, — установление единой подлинно-классовой цены на товары, монопольным потребителем коих (в отдельные отрезки времени) является та или иная социальная группа. Классовая цена, имея своей предпосылкой возможность свободы маневрирования, по своей природе и своему характеру исключает последовательную цепную связь на отдельных ступенях и стадиях ценообразования. Цена в этих условиях превращается в подлинный рычаг распределения и перераспределения национального дохода в социально-классовом разрезе. Если покупательная сила рубля отдельных социальных группировок в городе определялась главным образом (в условиях бесклассовых цен) различной структурой приобретения отдельных классов, являющейся функцией благосостояния, то покупательная сила рубля крестьянства является равнодействующей от реализационного рубля и рубля по приобретению. Если в 1928/29 г. цены не сел.-хоз. товары росли, то имущая часть деревни в значительной мере обогащалась за счет середняцкой и бедняцкой части деревни, являющейся покупателем хлеба. Различная структура приобретения отдельных социальных группировок в деревне и различный удельный вес социальных секторов в проведении к потребителю товаров создает иную неоднородную динамику цен для различных классов и социальных групп по приобретению. Если в 1928/29 г.

цены в деревне по приобретению возросли в среднем на 6%, то для верхушечных слоев это составляло примерно 3,5—4%.

Введение классовых цен при различной социальной структуре приобретения создает еще более резкую социальную динамику цен. Отсюда, должно быть устранено представление о средней покупательной силе рубля страны; при классовых ценах покупательную силу рубля страны должен представлять рубль доминирующего большинства населения трудящихся. Проблема классовых цен является темой для самостоятельного анализа, которую мы затронули в связи с вопросом цепной связи в ценообразовании.

Переходя к вопросу о цепной связи в ценообразовании отдельных отраслей народного хозяйства, необходимо остановиться на влиянии цен: 1) сельского хозяйства, на издержки производства промышленности, 2) отдельных отраслей промышленности, на издержки производства прочих отраслей, 3) промтоваров на себестоимость сельского хозяйства и 4) сельского хозяйства на себестоимость сельского хозяйства.

В первом случае мы имеем дело с сельским хозяйством, как с сырьевой базой для промышленности и продовольственной базой для рабочего класса. Удельный вес продуктов сельскохозяйственного происхождения в издержках производства средств потребления определяется свыше 50%. Удельный вес заработной платы в себестоимости всей промышленности составляет около 35%, а в тяжелой индустрии около 60%. Размер заработной платы (номинальной) находится в тесной зависимости от цен товаров, входящих в бюджетный набор рабочего. Основным условием снижения себестоимости в наших условиях является рост благосостояния трудящихся, который зависит, с одной стороны, от размера номинальной зарплаты, а с другой, — от уровня цен. Таким образом, всякое проектируемое повышение производительности труда сопровождается известной проектировкой в росте реальной зарплаты, как по линии номинала, так и по линии цен. Если цены не снижаются до проектируемого уровня или даже повышаются вопреки плану, промышленность вынуждена идти по пути повышения номинала, что означает не что иное, как удар по себестоимости. Прорыв цен имел место у нас главным образом со стороны сельскохозяйственных товаров, составляющих около 60% всего товарного приобретения рабочих. Таким образом, прорыв цен в области продовольственных сельскохозяйственных продуктов отражается посредством цепной связи на себестоимости промышленности по линии зарплаты основного элемента издержек производства. Повышение цен на сел.-хоз. сырье бьет по себестоимости легкой индустрии, а при одинаковых ценах на продукты легкой индустрии бьет по накоплению промышленности. Если же цены отраслей легкой индустрии подымутся соответственно росту себестоимости в связи с ростом цен на сел.-хоз. сырье, то это должно отразиться на реальной зарплате рабочих, поскольку промтовары легкой индустрии

занимают свыше 40% товарной части бюджетного набора рабочего. Повышение же бюджетного индекса в свою очередь повлечет повышение номинальной зарплаты, что при прочих равных условиях означает рост себестоимости, главным образом отраслей тяжелой индустрии. Всякое изменение цен на каком-либо участке влечет за собой по линии цепной связи определенные последствия в прочей сфере ценообразования. Получается некая карусель, при чем, в конечном результате, мы имеем процесс перераспределения народного дохода. Конечно, такое механическое представление о процессах ценообразования в наших условиях было бы неправильным. Плановое хозяйство обладает достаточно мощными приводами для предотвращения на какой-либо стадии нежелательных процессов ценообразования. Однако, нельзя отрицать того, что явления в области ценообразования из одной сферы передаются цепным образом в другие смежные сферы. Отсюда и влияние в известной мере стихийных факторов на процессы социалистического сектора. Межсекторальное диффундирование (от частного в обобществленный) протекает главным образом по линии ценообразования. Именно в сфере рыночных отношений приходят в соприкосновение социально неоднородные хозяйствующие субъекты. Если социалистический сектор через целый ряд рычагов влияет на необобществленную еще часть народного хозяйства, то частный сектор, помимо цен, никакого непосредственного влияния на обобществленный сектор оказать не может. Налоговая система, система дифференцированных цен социалистического сектора и другие приводы могут в известной мере нивелировать это влияние, урегулировав тем самым процессы накопления, и привести в определенное русло распределение национального дохода.

Ряд лет (после 1924/25 г.) не принес почти никаких успехов в области себестоимости. Если отдельные отрасли промышленности и давали снижение себестоимости (в 1925/26 г. и 1926/27 г.), то это были отрасли легкой промышленности, где ценностные явления рынка сельскохозяйственного сырья играли в определенные периоды роль благоприятного фактора для себестоимости этих отраслей. Поэтому, те отрасли промышленности, где преобладающим элементом себестоимости являются средства производства сельскохозяйственного происхождения, а не труд и его вооружение, давали вплоть до 1927/28 г. более благоприятные показатели, нежели отрасли тяжелой индустрии. Относительно большая восстановленность сельского хозяйства в первые годы восстановительного периода влияла своими относительно низкими ценами на себестоимость легкой индустрии. (Анализ показывает, что в отношении довоенного уровня мы имеем более низкий индекс себестоимости в легкой промышленности, нежели в тяжелой). 1927/28 г. и в особенности 1928/29 г. дает картину обратную: отрасли, зависящие в производстве от сельского хозяйства, дают гораздо более неблагоприятные показатели себестоимости,

чем отрасли тяжелой индустрии. Подобное явление вполне понятно, если учесть, что перевооружение промышленного труда значительно обогнало рост технической вооруженности труда в сельском хозяйстве. Цены на сельскохозяйственное сырье в течение последних лет как бы замерли на одной точке; себестоимость сельскохозяйственного производства, при почти неизменной технической базе, находилась во власти природных явлений; урожайность, недород, полевые вредители и пр. благоприятные или неблагоприятные факторы гнали себестоимость продуктов сельского хозяйства вверх и вниз, что получало свое отображение на ценах в особенности тех продуктов, которые по сбыту слабо были обобществлены. Это не могло не сказаться на себестоимости отраслей промышленности, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье.

Промышленный труд (в широком смысле этого слова), технически значительно перевооружившись, особенно за последний год, содержит все данные для снижения себестоимости, в первую очередь в отраслях тяжелой индустрии, основанной исключительно на этом промышленном труде. Значительно меньший удельный вес этого вида труда в легкой индустрии не обеспечивает здесь на ближайший отрезок времени аналогичного снижения себестоимости. Отсюда мы имеем в 1928/29 г., фактически в первом году, значительно более быстрый рост производительности труда над ростом зарплаты, выполнение плана себестоимости по легкой индустрии, примерно, на 40%, а по тяжелой индустрии почти на 80%. Снижение себестоимости по тяжелой индустрии в 1929/30 г. должно превзойти снижение по легкой промышленности на 70—80%. Сельское хозяйство не дает для себестоимости легкой индустрии благоприятных видов на 1929/30 г. Таким образом, в 1929/30 г., как и в 1928/29 г., в отличие от прошлых лет мы будем иметь значительно большее снижение себестоимости тяжелой индустрии, что является следствием различной структуры себестоимости.

Уроки 1928/29 г. вскрыли то, что продовольственные затруднения и обострение на этой почве классово-борьбы, активизация кулацкой верхушки, деревни в союзе с городским спекулянтом повлекли за собой значительное недовыполнение плана по поднятию благосостояния трудящихся. Такое положение не могло способствовать выполнению плана производительности труда и заставило пойти (по пути большего повышения номинальной зарплаты, дабы удержать благосостояние трудящихся, хотя бы на несколько повышенном уровне. Это не могло не отразиться на себестоимости. В результате, мы имеем недовыполнение снижения себестоимости, на ряду с недовыполнением задания по реальной зарплате рабочих. Как мы указывали выше, реальная заработная плата в наших условиях не может вступить в коллизию с себестоимостью. Если та часть роста зарплаты, которая идет за счет роста номинала, обеспечена при соответствующем росте производительности труда, то оставшая часть,

связанная с бюджетным индексом, находится в условиях рыночной конъюнктуры. Поэтому, весь вопрос в данном случае сводится к разрешению проблемы снабжения обобществленным сектором торговли рабочего населения в первую очередь сельскохозяйственными продуктами. Необходимо парализовать влияние капиталистической верхушки города и деревни на уровень благосостояния трудящихся и только с освобождением рабочего от необходимости прибегать к услугам частного возможно будет обеспечить намечаемые темпы роста его благосостояния.

Если цепная связь в ценообразовании между промышленностью и сельским хозяйством связана с социальными сдвигами, со столкновением различных секторов, то цепная связь между отдельными отраслями промышленности связана с внутрисекторными процессами. Средства производства промышленного происхождения составляют в себестоимости промышленности почти 30%. Это промышленное сырье и материалы вступают в издержки производства отдельных отраслей своим ценностным выражением. Продукты основных отраслей тяжелой индустрии являются средствами и орудиями производства других отраслей тяжелой индустрии или отраслей промышленного производства средств личного потребления. Всю промышленность социалистического сектора в целом можно рассматривать, как грандиозный комбинат последующих стадий производства. Цена на средства производства в этих условиях сохраняет лишь счетное, чисто условное значение. Основную роль здесь приобретает себестоимость отраслей тяжелой индустрии, где цены должны следовать за изменениями размеров производственных затрат. Ряд продуктов промышленности входит составной частью в издержки производства всех почти отраслей промышленности (топливо), отсюда всякое изменение цен на эти продукты неминуемо должно отразиться на себестоимости всех отраслей.

На основе данных балансов 45 крупнейших трестов союзной промышленности (счет движения материалов за 1925/26 г.), мы попытались построить „шахматку“ взаимной зависимости 20 основных отраслей по линии средств производства (см. приложение 1).¹ Несмотря на ряд условностей, все же на основе этой работы мы можем судить, в какой мере каждая отрасль влияет на другие и в какой мере, в свою очередь, она находится в зависимости от них. Если мы имеем в каком-либо году то или иное изменение цен на черные металлы, мы можем заключить, как это отразится на стоимости средств производства (отсюда и всей себестоимости), скажем, руды, — машиностроения, каменного угля, химии, нефти и т. д., в зависимости от удельного веса металла в себестоимости этих отраслей. Если удельный вес черного металла в средствах производства,

¹ Все приложения к настоящей статье будут даны одновременно со второй ее частью, которая печатается в № 12 журнала „Плановое Хозяйство“.

машиностроения составляет свыше 56%, то, скажем, в цементной промышленности его удельный вес едва достигает 0,5%. Если цены продуктов основной химической промышленности вырастут всего лишь на 3%, то стоимость средств производства лакокрасочной возрастет более чем на 1%, рудной примерно на 0,7%, стекловой — свыше 0,5% и т. д. Повышение цен на лес и стройматериалы в различной мере отражается на себестоимости отдельных отраслей, в зависимости от структуры издержек производства каждой отрасли.

По всей союзной промышленности в целом (если принять средства производства за 100), удельный вес черного металла составит 14,0%, горной — 3,9%, электротехники — 1,1%, основной химии — 3,4%, нефтяной — 2,7%, каменноугольной — 7,4%, дров и леса — 3,8%, лесных стройматериалов и деревообделочной — 7,2%, кирпича — 1,8%, стекла — 0,5%, и т. д.

В условиях планирования чрезвычайно важно знать, какое народнохозяйственное отражение получается в результате того или иного изменения цен. Познавание это, вне изучения цепной связи в ценообразовании, вне установления взаимной зависимости отраслей, невозможно. Задача построения баланса средства производства является актуальнейшей задачей для освещения ряда процессов в области ценообразования. Если бы мы знали более и менее точно всю стройную систему взаимных связей и зависимости, тогда мы в состоянии были бы придать каждому шагу в области изменения цен более осмысленное, более плановое значение.

Влияние цен промышленности на себестоимость сельского хозяйства по линии средств и орудий производства до настоящего времени было чрезвычайно ничтожно. Сельскохозяйственные машины играют еще весьма незаметную роль в качестве орудий производства сельского хозяйства.¹ Вся „стоимость пользования“ (амортизация) не только орудий производства, но и сельскохозяйственных построек и сооружений занимает в себестоимости (зерновых культур) всего лишь 3—4%. Тяговая сила, занимает в себестоимости крестьянских хозяйств — 10—11%, состоит главным образом из живой тяги; механическая же тяга исчисляется всего десятными долями процента. Минеральное удобрение еще только начинает внедряться в сельскохозяйственное производство индивидуальных хозяйств.

Совершенно иную картину мы имеем по совхозам, где удельный вес тяги в себестоимости (зерновых) составляет свыше 20% при чем свыше половины приходится на механическую тягу. Здесь роль минеральных удобрений значительно больше. Таким образом, полунатуральный характер средств и орудий производства крестьянства „эмансипировал“ сельскохозяйственную себестоимость по этой линии от влияния промышленных цен. Значительно большая зависи-

мость, в силу иной материальной (и социальной) структуры себестоимости, имела в крупных государственных сельских хозяйствах. Процесс коллективизации, укрупнение крестьянских хозяйств на базе машинной техники и перевооружения сельскохозяйственного труда должны будут приблизить структуру себестоимости крестьянских хозяйств к структуре крупных товарных хозяйств. Отсюда мы будем иметь значительно большее влияние промышленности на себестоимость сельского хозяйства по линии цен на орудия и средства производства.

Нужно сказать, что уровень цен на сельскохозяйственные машины занимает почти самое низкое место в системе промышленных цен и влияние, с этой стороны, на сельское хозяйство может быть исключительно по линии стимулирования внедрения машинной техники в сельскохозяйственное производство. Если зависимость себестоимости в сельском хозяйстве по части средств и орудий производства пока еще чрезвычайно мала, то в отношении стоимости рабочей силы эта зависимость чрезмерно велика. Крестьянский труд мы оцениваем по стоимости наемной (батрацкой) рабочей силы. Заработная же плата батраков находится в тесной зависимости от цен промышленных товаров, производимых в отраслях легкой индустрии. Удельный вес промышленных товаров в приобретении наименее обеспеченных групп крестьянства (по размерам посевных площадей) составляет свыше 50% (см. приложение 2). Всякое изменение цен на промтовары получает непосредственное отражение на уровне заработной платы сельскохозяйственных рабочих, к которой мы и приравняем цену крестьянского труда. Довольно заметная роль частного (выше 20%) в снабжении крестьянства промтоварами зачастую нивелировала положительную роль (снижение в течение ряда лет до 1928/29 г.) промцен обобщественного сектора. Резкое сокращение частного деревенского оборота влечет за собою непосредственное влияние социалистического сектора на цену крестьянского труда. Переход сельского хозяйства на иную, повышенную, основу означает снижение удельного веса труда в себестоимости единицы сельскохозяйственной продукции. Повышение „органического строения“ затрат в сельском хозяйстве влечет за собою уменьшение влияния на сельское хозяйство себестоимости цен легкой индустрии при росте зависимости от цен продуктов тяжелой промышленности (сельскохозяйственные машины, орудия, удобрение и пр. средства производства промышленного происхождения).

Наконец, цепная связь в ценообразовании внутри сельского хозяйства протекает также по линии средств производства и стоимости рабочей силы. Если цепная связь внутри промышленности не связана с какими-либо социальными процессами, то в сельском хозяйстве она отражает социально-классовые отношения крестьянства. К приобретению средств производства (покупка семян, корм скота, аренда тяги и сельскохозяйственного инвентаря) при-

¹ См. нашу статью „К вопросу о процессах ценообразования в сельском хозяйстве“, „Плановое хозяйство“ № 6 за 1929 г.

нуждены прибегать неимущие слои деревни; эти же слои крестьянства вынуждены покупать хлеб и прочие продукты сельского хозяйства у обеспеченной части деревни. Через механизм внутрикрестьянского оборота мы можем прощупать процесс классовых отношений деревни. Необеспеченность средствами и орудиями производства части середняцкой и бедняцкой массы деревни и необходимость, в связи с этим, обращаться к „услугам“ деревенской верхушки ставит процессы ценообразования (себестоимость) различных социальных групп крестьянства в различные условия. Влияние в значительной мере кабальных цен внутрикрестьянского оборота не может не сказаться на структуре и размерах себестоимости менее обеспеченных крестьянских хозяйств. В то время как в покупательном рубле низших групп (по посевной площади) приобретение сельскохозяйственных продуктов занимает свыше 30%, в высших группах оно составляет лишь около 10%. Имеющийся в нашем распоряжении разработанный ЦСУ по бюджетам материал о себестоимости продуктов в различных социальных группах крестьянства¹ учитывает лишь разницу организационной структуры этих групп. В этой работе учитывается лишь различная структура материальных затрат, оцененных по одним и тем же ценам. Здесь не учитываются внутридеревенские классовые отношения, которые вносят еще большую дифференциацию в размеры и структуру себестоимости отдельных социальных групп деревни.

Данные крестьянских бюджетов за 1926/27 г. указывают, что остаток долга (по линии кредитных сделок) к концу года в пролетарских и полупролетарских хозяйствах составляет около 16% суммы реализации сельскохозяйственных продуктов этими хозяйствами. Соответствующий процент для мелко-капиталистических хозяйств равен несколько выше 5%; сумма, отданная в долг этой группой в 6—7 раз превышает соответствующую сумму низшей группы. От сдачи в наем инвентаря и скота высшая группа выручает в несколько десятков раз больше низшей группы; этому корреспондирует обратное явление по размерам затрат на наем скота и инвентаря. Если за продажу своей рабочей силы полупролетарское хозяйство выручает свыше 43 руб., то на одно мелко-капиталистическое хозяйство приходится всего 1 руб. 65 коп.

Продажа сельскохозяйственных продуктов односельчанам мелко-капиталистическими хозяйствами в пять раз превышает внутрикрестьянский оборот полупролетарского хозяйства. Здесь явно выступают межклассовые отношения в деревне, идущие в значительной мере по линии деревенских рыночных и ценностных отношений. Размер инвентаря в высших группах превышает низшие в 15 раз, а количество скота в 10 с лишним раз.

¹ На этом мы остановимся во 2 части статьи.

Затраты на сельскохозяйственный инвентарь в мелко-капиталистическом хозяйстве составляют около 50 руб., а в полупролетарском — 5 руб. 76 к., при чем, если интервал этих затрат между низшими и высшими группами выражается пропорцией 1:8, то соответствующее соотношение по размерам затрат на приобретение машин и орудий выражается в 1:20. Таким образом, социально иной природе хозяйства соответствует иная организационная и техническая структура. Так, в среднем на одно хозяйство по данным крестьянских бюджетов за 1926/27 г. приходилось:

Социальные группы	К началу года (в руб.)		Валовая продук- ция сельского хозяйства	Отчуждение всех прод. сельского хозяйства	Приобретение сел.-хоз. инвен- таря	В том числе машин и орудий
	Весь инвентарь	Весь скот				
	1	2	3	4	5	6
Пролетарий и полупролетарий . . .	34,72	100,51	379,40	119,09	5,76	1,40
Простые товаропроизводители . . .	173,29	401,13	973,67	248,70	19,94	8,44
Мелкие капиталисты	478,64	843,16	1.756,59	605,46	49,09	28,98

Социальные группы	Остается долга к концу года	Наем скота и инв. в сел.-хоз. (без рабсилы), всего	В том числе деньгами	Уплачено за наем рабсилы	В том числе деньгами	Получено (в руб.) за продажу своей рабсилы	В том числе деньгами
	7	8	9	10	11	12	13
Пролетарий и полупролетарий . . .	17,82	4,59	2,59	0,70	0,34	43,06	16,18
Простые товаропроизводители . . .	21,62	2,39	1,32	3,29	1,36	5,89	2,99
Мелкие капиталисты	32,89	4,27	1,74	80,46	22,71	1,65	0,61

Все рыночные отношения в народном хозяйстве, все секториальные и классовые отношения должны найти и находят свое немигнущее отражение в цепной связи ценообразования. Процесс кругооборота и метаморфоз отдельных продуктов создает непрерывную цепь взаимно-переплетающихся зависимостей отдельных хозяйственных сфер. Эта взаимосвязь социально-однородных и социально-различных хозяйственных сфер в первую очередь протекает через механизм ценообразования.

(Продолжение следует)